

РАДИАЦИЯ

The background of the cover is a dark blue gradient. It features a grid of small, light blue dots that form a perspective of a receding surface. A bright, glowing blue beam of light enters from the left side, creating a sense of depth and movement.

повесть

ИННА ИЩУК

Инна Анатольевна Ищук

Радиация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29407702

SelfPub; 2018

Аннотация

О радиации в душах людей, которые предают человеческие законы и идут на поводу золотого тельца и инстинктов.

В предгорьях Карпат на широко раскинувшихся просторах долин легко разгуляться ветру, через невысокие холмы несет он облака. Наохлится туча и льет дождь неделями. Холмы набухнут, поля – болота, обувай сапоги и меси чернозем по дорогам. До леса только телегой и доедешь, машина встанет, забуксует, упрется колесом в рытвину, трактор зови.

Этим летом все изменилось. Солнце жгло поля, трава жухла и серела, воздух стал сухим и горьким. По дорогам пылили узики, люди в военной форме разъезжали по селам. Некогда великая, непобедимая армия убирала линию ПРО. Шахты ракет, скрытые в недрах холмов, рассекречивались, ядерные боеголовки вывозились, сооружения взрывались. И с карты стиралось еще одно обозначение военного объекта.

Село Варваровка лежало меж двух холмов, опоясанное цепочкой растянувшихся озер. Никогда рыбак здесь не выводился. Приезжали из города с удочками и, сторбившись, сидели по берегам ставов, вылавливая жирных налимов и лещей. В это лето берега опустели. Вода отступила, оставила за собой темный ил и мертвую рыбу. В темных зеленоватых лужах валялись дырявые ведра и тазы. Тропинка к лесу заросла бурьяном. А красная горка земли на опушке леса еще напоминала о высившейся мачте засекреченной ракеты.

В коридоре пахло ладаном и сгоревшими свечами. Баба

Феня завязала кулек с конфетами и булочку в носовой платок.

– Все там будем, дочка, – вздохнула она, – тепереча ты тут хозяйка,

– Вера проводила засидевшуюся гостью до калитки и вернулась в дом. Георгий сидел на лавке. Коричневая свеча догорала перед портретом его матери, перевязанным черной лентой. Вера поправила выбившиеся из-под платка волосы и стала собирать тарелки со стола.

– Все там будем, – тихо проговорил Георгий.

Вера переставила гору тарелок.

– На все господа воля, – произнесла она и смела крошки со скатерти.

– Отчего ж сына не приехал? – она взяла пустой кувшин, – неужто телеграмма не дошла?

Отец подошел к окну.

– Я ему письмо напишу, – рассудила мать, – заказное, хоть раз бы наведался. Мы с тобой совсем одни остались.

– И я пару строк чиркну, – глядя на темнеющую улицу, проговорил Георгий.

Вера взгромоздила пирамиду посуды на поднос и понесла в кухню.

В кухне пахло борщом. Стол, шкаф были завалены грязными тарелками. Только на железной кровати, переставленной из комнаты свекрови в угол кухни, ничего не было. Вера поставила поднос на пол. На плите в казанке бурлила вода.

За окном стало совсем темно. Хозяйка налила горячей воды в таз и принялась мыть тарелки. Сколько прошло времени, она не знала. Гора чистых тарелок росла на полу. Темные тени побежали по стенам, свет погас и снова зажегся. Блюдце выскочило из рук и плюхнулось в мыльную воду, обрызгав лицо. Вера очнулась и встряхнула головой. Вода остыла, печка уныло дышала затухающими углями. Хозяйка зевнула, бросила поленце к углям и брызнула керосином. Вспыхнувшее пламя разбудило её. Она отодвинула посуду, вытерла клеенку и разгладила лист на столе. Вот что свяжет теперь с сыном. Хоть какую-то весточку получить, три года не видела свое дитя, как уехал в город. Вера открыла шкафчик в столе и вытянула пачку поздравительных телеграмм. Внимательный, на каждый праздник счастья, здоровья желал, а что за этими словами? Как он там? Сама бы поехала, да как хозяйство бросишь и даль то какая. Ничего, выберется сын, приедет.

Вера взяла в руки лист, подышала, чтобы чернила высохли, и сложила в конверт. Лампочка испуганно мигнула. Вера положила письмо и уставилась на дверь. Необычная тишина поразила слух. За стенкой в своей комнате уже не сморкалась, не кашляла свекровь. Её железная кровать была пуста, не скрипела, не жаловалась. Ни звука, привычного храпа мужа тоже не было слышно. Вера замерла. И вдруг сорвалась и бросилась в спальню.

– Ты чего, – раздался с кровати голос Георгия. Жена, за-

пыхавшись, упала на постель, и прижавшись к теплому круглому плечу мужа, завывала.

– Ладно тебе, – погладил её по волосам Георгий.

Утро пришло тихое, туманное, с неясными очертаниями домов. Люди тянулись из этих домов серыми старичками. Худые коровы мычали и шли вразброд по булыжной улице.

Вера мела крыльцо, когда Георгий вышел из дома.

– Ты куда? – окликнула она.

– В мастерскую, Марфа просила крест сделать, своему на могилу будет ставить.

Вера облокотилась о перила крыльца.

– А мне значит самой на буряки идти?

– Самой, – не оглядываясь, бросил Георгий и пошел угловатый, непривычно горбясь.

Вера перевела взгляд на дом, добротный, большой, с верандой и черепичной крышей, – все это теперь её и Георгия. И снова то чувство ночной немой тишины нашло на нее. Она перекрестилась и шагнула к двери. На кухонном столе белело письмо. Вера развернула лист. В конце чернели две строчки Георгия. Мать прижала письмо к груди, поправила сползший платок и вышла на улицу.

Туман, точно гигантский хвост уползал, низко клубясь по земле. Вера погоняла его, замахиваясь белым конвертом. И не заметила, как дошла до почты. Марьянка в белом платке надевала свою письмоноскую сумку.

– Успела, – обрадовалась Вера и протянула письмо девушке, – может дойдет.

– Андрюшке? – загорелись глаза Марьянки. Вера невольно обняла свою несостоявшуюся невестку. Несмотря ни на что обе они ждали одного человека.

– Ну беги, – отстранилась Вера, – с богом.

Она долго провожала уменьшающуюся фигурку на дороге. Чем не пара ее Андрею. И ходили же вместе. Нет бы после армии жениться. Как уехал в город, все сразу и забыл. Хоть бы строчку ей черкнул. Мучается бедняжка, все глаза проглядела, и забыть не может.

Над холмом поднимался алый краешек солнца. Налетел ветер, пытаясь сдуть платок с Веры, сорвал коричневые трубочки листьев с клена, слишком рано начавших жухнуть. Улица покачнулась. Вера прислонилась к срубам колодца. Воды в нем не было. Когда взрывали шахту ракеты, вся вода ушла из села. Головокружение прошло. Нет, сегодня она на поле не пойдет, возьмет отгул.

Во дворе дома Георгий ворочал стальную сетку. Лицо его покраснелось, сетка не слушалась и выпрыгивала из пазов забора.

– Откуда это? – крикнула Вера, хватаясь за прутья решетки.

– С обломков шахты вытащили, – важно посмотрел Георгий, они там все побросали, а нам укрепление будет, весь забор расшатался.

– Говорят, не надо ничего брать, радиация там какая-то.

– Люди берут, а мы что хуже?

Вера покачала головой:

– Есть то будешь?

На плите шипела сковородка, чайник посвистывал. Георгий отрезал большие ломти хлеба.

– Сына приедет, может барашка из колхоза выпишем, – задумчиво проговорила Вера.

– Где там, – вздохнул отец, очищая луковицу, – растащили всех барашков, пока мы на Советскую власть спину гнули, думаешь, на что председатель хату двухэтажную выстроил.

– Что ты, – испугалась хозяйка и оглянулась на стук. Через порог появился паренек в клетчатой рубашке с торчащими каштановыми вихрами.

– Алешка, садись с нами, – Георгий пододвинул стул племяннику, – ну как у вас там?

– Мамка травы просила для коровы, наша вся вышла.

– Накосим, – улыбнулся Георгий. Алешка походил характером на Андрея, также робел, краснел как мальчишка и брался за любую работу. Как они вместе с Алешкой встречались, так не разлей вода. Друг за дружку держатся, один другого выгораживают. Как помотришь на их озорные лица, и за шалости не отругаешь. То в сапог бабке лягушку кинут, то чернилами ручку двери испачкают, то курицу за лапку привяжут, а сами из-за двери прыскают, как она балет танцует.

– Ну, идем, – встал Георгий.

Вера вытерла глаза, глядя вслед уходящему Алешке, так напомнил ей сына. А ведь приедет, посмотрит, как они жить стали, стыдно будет. Она сняла с окон пропылившиеся занавески и свалила в таз. Теперь будем жить по-другому.

Неожиданно в комнате потемнело. Вера взглянула в окно. Розовое мохнатое облако закрыло солнце. Такое же облако появилось, когда взрывали шахту у них на холме. У всех, кто работал на поле, появился бронзовый загар на открытых частях тела, а у соседского пятилетнего Андрюшки пошли пузыри по лицу. Поговаривали, это из-за того, что в шахту пролилось ядерное топливо, когда забирали боеголовку.

Вера решила позвать мужиков, выглянула на крыльцо, но косарей уже не было. Красное облако вываливалось наизнанку лохмотьями, превращаясь в зонт. Зонт покачнулся и пополз к лесу. Потянуло гарью. Куры забились под насест, глупый индюк вытянул красный шнурок носа и испуганно залопотал. Оранжевое солнце жгло глаза, горячий воздух пек ноздри. На улице не было ни души. Казалось, все замерло в предчувствии близкой беды.

Вера вернулась в дом. Подмокшие занавески валялись в тазу. Воды в ведрах оставалось на доньшке. А привезут ли сегодня, неизвестно. И сколько еще будут возить, пока не пробурят новую скважину, не найдут ушедшую воду. Вера подперла голову рукой. Как теперь жить? Казалось бы все есть: муж, дом, хозяйство, – все к чему стремилась, ждала, когда по-настоящему жить начнут. То свекровь до слез до-

водила, из дома гнала, то работала без отдыха, лишь бы Андрюшку на ноги поставить, а теперь что?

Знакомый колокольчик оборвал мысли. Хозяйка схватила ведра и помчалась на улицу. Соседи уже несли полные ведра, осторожно, боясь расплескать. А она, вот дуреха, вздумала стирать. Хорошо, что сегодня после похорон ей вместо двух ведер по норме положено четыре.

Георгий пришел поздно вечером. И не один. Лесник, зная строгий нрав Веры, потоптался у порога. Георгий втолкнул его в комнату и придвинул скамью.

– Веруша, дай нам салыца к горилке, – он поставил на стол бутылку.

Вера хотела раскричаться, запретить, но посмотрев на его заострившееся лицо, промолчала и полезла в кладовку.

Когда она вернулась, мужчины замолчали. Лесник чертил ногтем по столу, Георгий смотрел на стертую половицу.

– Сегодня еще одну взорвали, – медленно проговорил он, – в соседней Ивановке.

– Лес перестал расти, – взглянул лесник на хозяйку, будто жалуясь ей, – ветки сохнут, быть беде.

Вера выронила тарелку из рук. Значит то, что она видела сегодня, правда. Георгий налил в три рюмки, взял свою и опрокинул в рот. Лесник после выпитой горилки крякнул и схватил хлеб. Неожиданно заговорило радио, включившись после перерыва. Оно говорило не о том, что хотела услышать Вера. Почему в их селе так часто стали умирать люди, отче-

го не работает медпункт, по вечерам выключают свет, ничего нет в магазине, кроме водки и хлеба. Раньше, когда она работала на ферме, у коров было много молока, упитанные телята тыкались глупыми мордочками в ладони. Сено пахло летом, у всех была работа и в достатке дом. А сейчас она уже три года не получала ни копейки за свой труд. Слава богу, что есть хозяйство. А тут еще...

Лесник встал из-за стола и стал прощаться. Георгий поднялся за ним. И вдруг пошатнулся, вытер рукой нос, рука была в крови. Вера ахнула и побежала за платком. Лесник усадил хозяина и запрокинул голову, вытирая кровь с щеки. Жена села рядом и взяла больного за руку.

– Нельзя ему больше пить, – подумала она, глядя на его еще больше заострившееся лицо.

К утру у Георгия поднялась температура. Вера снова не пошла на работу. Она растерла горевшего мужа уксусом, сбежала к медсестре Даше, выпросила за десяток яиц лекарства и пичкала ими Георгия. На третий день, когда температура спала, Георгий ушел в мастерскую. Вера, наконец, повесила на окна выстиранные занавески. Теперь она знала, что надо делать, чтобы беда не повторилась. Она раздарила все вещи умершей свекрови соседям, выбросила битую посуду, клеенную бережливой старухой, притащила известь и выбелила комнаты, изгнав нечистого духа. Теперь она сама держала хозяйство. Георгий приходил с работы усталый и сразу ложился спать. Вера его жалела, сама таскала ведра, тер-

ла кукурузу курам, потихоньку копала картошку. И каждое утро, только вставала, смотрела в окно: Не едет ли сына. Сына не ехал. Мать собиралась, оставляла Георгию на завтрак казанок вареной картошки и шла в поле.

Осенний холодный ветер задувал за воротник, сухая трава цеплялась за ноги. Вера отдирала прилипшие к штанам колючки репейника, рассыпавшиеся на иголки. Солнце ярко горело на небе, но совсем не грело. От его лучей, казалось, шла такая злость, что воздух дрожал и тяжелел. Вера спускалась с холма и выходила в поле, где маячили согнутые спины сельчан, откапывающих буряки.

– Вера, – разогнулась навстречу пришедшей хромая Ангелина, – у Марьянки для тебя новость, зайди на почту. Женщина вздрогнула. Неужели весточка от сына.

Наскоро сделав норму, она побежала на почту. Но Марьянки в конторе не было.

– Может к нам занесла, – подумала Вера.

– Поднимаясь на крыльцо она вдруг столкнулась с лесником. Он выходил из дома какой-то озадаченный. Вера покачала головой:

– Опять?

Но лесник отстранился и тихо проговорил:

– Георгию плохо стало на лесоповале, когда бревна для мастерской выбирали, вот привез его.

– Допились, – крикнула Вера.

Георгий лежал на диване, закрыв глаза. Женщина осто-

рожно дотронулась до его руки. Перегара слышно не было. Веки его дрогнули.

– Приболел малость, – произнес он, – хорошо Егор довез, сейчас полежу и встану.

Вера опустила рядом. Что же это такое? Она его так берегла, все делала по хозяйству.

– Не должно так быть, – утерла она выступившие слезы, – съезди к врачу, может скажут что путное.

– Угу, – отвернулся больной, – мне уже легче.

Раздался стук в дверь. В комнату вошла маленькая щупленькая Дашка, сестра Марьянки, немного сутулясь, на цыпочках, словно боясь кого-то разбудить.

– Я вас целый день ищу, – стала оправдываться она, – вот, – и вытянула из старенькой потертой сумки письмо. – Я сегодня за Марьяну.

Вера улыбнулась, узнав на конверте почерк Андрея.

– Смотри, отец, дождались.

Вера открыла конверт и вытащила глянцевый плотный лист.

– Не может пока, – уронила Вера руки на колени, говорит в кампании депутатской будет участвовать. Если выиграют, он должность хорошую получит.

Георгий скрестил руки на животе.

– Дело хозяйское, – сказал он и уставился на потолок.

Вера посмотрела на бледное лицо Георгия, перевела взгляд на свой выцветший халат, штопанные, перештопан-

ные штаны и почему-то ей стало так горько и обидно за жизнь. Она утерла глаза и вздохнула, ничего, все еще впереди: и сын приедет, как управится с делами, и муж в больницу съездит.

В районный центр поехали вместе. Вера держала Георгия за руку, словно боясь потерять. Он не сопротивлялся, следовал за ней по пятам, как маленький ребенок. К врачу в кабинет Веру не пустили. Она осталась в коридоре на деревянной скамейке и долго рассматривала плакаты на глянцевых зеленых стенах. Георгий вышел из кабинета съезжившийся и растерянный, отдал все полученные от врача листки жене и сказал, что нужно ехать в город и немедленно. Вера испугалась, уцепилась за Георгия и уже не она, а он вел ее вдоль каменных полуразваленных заборов к остановке, чтобы ехать на станцию.

Сквозь голые деревья просвечивала железная дорога. На станции толпились бабки с мешками за спиной. Мешки были самодельные, из больших платков, бабки так заворачивали в них капусту, морковку и свеклу, что получался отменный рюкзак. Раньше Вера тоже пыталась торговать на рынке, но всегда половину товара раздавала своим соседкам по прилавку. Георгий ругал ее и больше не отпускал в город.

Потолкавшись, овота и взял страницу. Вера скользнула взглядом по заголовкам. И ничего о нас, – подумала она. Она вспомнила, какие цыплята уродились весной после первых

взрывов шахт ракет: один без глаза, другой без ножки. И картофель, и морковь в этом году, несмотря на засуху, изъедены язвами.

Поезд остановился. Бабки, толпясь, первыми двинулись к выходу. Георгий пожал старичку руку и поднялся. Когда они вышли из поезда, он сказал Вере:

– Знаешь, он ведь ездит к нам, рыбы нет, а ездит по привычке.

Вера задумалась. Какая отменная уха получалась, когда Георгий с Андрюшкой приносили ведро карасей со става, просто пальчики оближешь: наваристая, застынет, словно холодец. Андрюшка утром встанет колупнет кусочек рыбины и опять на рыбалку. А теперь он столичный житель, и как до него добраться, сколько ехать надо.

Георгий дернул Веру за рукав кофты, и она успела отскочить от мчавшейся по тротуару машины.

– Все им дозволено, – выругался Георгий, провожая взглядом черную иномарку, выехавшую на дорогу. Вера шла мимо цветных витрин, глаза разбегались, всевозможные выдумки города поражали её. Ей бы остановиться и рассмотреть, что за диковинная птица в клетке или водопад падает со стены,

а люстры, вот бы такую выбрать, вместо их самодельной, из фольги, обернутой вокруг лампочки. А десятки экранов телевизоров, картины, краски.

Они свернули в переулок и вошли в черные ворота. Впереди высилось девятиэтажное здание. Как только они попали в фойе больницы, Вера сразу почувствовала резкий запах лекарств. В регистратуре медсестра выдала карточкулаза разбегались, всевозможные выдумки города поражали её. Ей бы остановиться и рассмотреть, что за диковинная птица в клетке или водопад падает со стены, а люстры, вот бы такую выбрать, вместо их самодельной, из фольги, обернутой вокруг лампочки. А десятки экранов телевизоров, картины, краски.

Они свернули в переулок и вошли в черные ворота. Впереди высилось девятиэтажное здание. Как только они попали в фойе больницы, Вера сразу почувствовала резкий запах лекарств. В регистратуре медсестра выдала карточку. И опять женщина осталась в коридоре, только теперь белом, просторном, освещенном квадратными плафонами. Она смотрела на белую дверь, за которой скрылся Георгий, на понурые фигуры ожидающих больных и думала, что лучше отсюда уехать, а дома она сама вылечит мужа. Из кабинета появился врач в голубом колпаке и голубом халате. Вера интуитивно встала на встречу и увидела Георгия. Он был бледен, капельки пота выступили на его лбу.

– Я должен здесь остаться, – виновато посмотрел он на нее, – заберешь мою одежду, как обследуюсь, я сообщу.

Вера не знала, что делать. Колени ее задрожали, голос пропал. Она протянула руки вслед уходящему мужу. Но человек в голубом колпаке обернулся и строго посмотрел на женщину. Вере стало стыдно. Она оглянулась на сидевших в коридоре людей, ожидавших своей очереди, и бросилась за мужем. Но Георгий уже поднимался по ступенькам за стеклянной дверью, куда Вере не было хода.

Как она вернулась в село, Вера не помнила. Ее толкали в автобусе, пихали локтями, наступали на ноги. Она этого не замечала. Неуклюжая бабка заехала ей по лицу локтем. Вера смолчала. Она убеждала себя, что все еще уладится. Узнает в больнице, что за болезнь и сразу вернется домой, а она все сделает, чтобы его вылечить. Все достанет, что понадобится: козу можно продать, гусей тоже, разве что индюка оставить и кур.

Вера вышла из автобуса и остановилась. Как идти в опустевший дом.

– Тетя Вера, ну что? – услышала она за спиной знакомый голос. Марьянка подскочила к ней: “Ну, говорите”...

Женщина посмотрела в ясные Марьянкины глаза.

– На обследование остался, – выпрямилась она.

– Я вас проведу, – девушка взяла приехавшую за руку. Возле дома разгуливали гусь и гусыня. Они дружно подняли

головы и заготовали.

– Вернулась я, – отозвалась Вера. Куры во дворе клевали хлебные крошки, которые накрошила им Марьянка.

– Я думала сегодня к вам перебраться, нельзя хозяйство оставлять, а мама с сестрой сами дома управятся

Вера зажгла свет в комнате и села на кровать. Сил раздеться не было. Марьянка принесла дров и распалила печку. Через грубу пошел жар. Женщина сняла кофту и хлебнула кипятка из чашки, поднесенной девушкой. Внутри стало тепло, глаза начали слипаться.

Вера проснулась от первого крика петуха . Марьянка спала на диване, свернувшись клубочком, положив голову на руку вместо подушки. Хозяйка накрыла ее одеялом и пошла на улицу. На пасмурном небе в проеме туч виднелся бледный месяц. В сарае похрюкивали свиньи. Вера натерла для них буряка и полезла в погреб за картошкой. Ящики были аккуратно сложены хозяйской рукой Георгия. Погреб оборудовать – было его дело. Вера прислонилась к косяку. Быстрее б узнать, что с мужем. Она сама никогда не жаловалась на боль, терпела до последнего, лечилась травами, лишь бы в больницу не ходить. И если б Георгий не настоял, и тогда бы в поликлинику не пошла, когда аппендицит лопнул. С тех пор, как ее спасли, она уважала больницу и теперь верила, что раз Георгия взяли на обследование, так только, чтобы вылечить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.